

ной борьбѣ съ государственной властью за свои права. Народы запада уже распѣвали въ своихъ пѣняхъ объ исполненіи времени перековать кресты въ мечи...

Русскіе выросли на равнинѣ съ уходящими въ даль перспективами. Малокультурныхъ, невѣжественныхъ, подъяремныхъ громадному государственному строительству тогдашнихъ жителей нынѣшнихъ центральныхъ губерній Московской, Тульской, „черноземную силу“ и теперь еще ожидающую „зеленаго клина“ и „чернаго передѣла“, исторія воспитала въ беззавѣтной покорности. Въ ихъ характерѣ черты покладистости глушили пока дремавшее и только порою дававшее себя знать чувство права. Вольница, которой тягло становилось не въ мотугу, не боролась, не противилась въ длительной, систематической борьбѣ, а „брела розно“, какъ говорятъ хроники, и обыкновенно разсыпалась по окраинамъ безпредѣльной равнины. Такъ возникало казачество. Съ его помощью въ „разиновщинѣ“—„шли за зипунами“, а въ „пугачевщинѣ“—„тряхнуть Москвой“, когда крайности раззоренія, гнета и личнаго надругательства подняли молчавшее дотолѣ населеніе. Но потухло грозное зарево. И опять начинали „брести розно“. Такъ въ особенности рабредались и уходили люди морально-религіозной складки. Такъ безропотно уходили въ тайгу, приволяжскіе лѣса отъ всякихъ помѣхъ религіозно-духовные старо-завѣтники, такъ уходили и новые своеобразники, „богостроители“, „богоискатели“.

Въ массѣ русскій человѣкъ былъ всегда терпѣливъ, выносливъ до фанатизма. Не даромъ, русское упорное „ничего“ сдѣлалось поговоркой на Западѣ. Въ своемъ упорствѣ народъ готовъ страдать до конца, но и стоять на своемъ до конца. (Замѣчательно, что и Толстой, утвердившись въ своемъ непротивленствѣ, до конца остался вѣренъ инициативѣ жизни, упорно проявивъ ее у порога могилы).

Когда же и окраины не спасали, вольница уходила далѣе. Такъ поступали и впоследствии крупныя единицы: за Курбскими—Герцены, Тургеневы... когда отрывались отъ родной пуповины... И съ аннибаловой клятвой они уходили далѣе и далѣе: за-границу.